

Хоу Хуайюань и представить не мог, что даже после ссоры с супругой, выставившей семью на посмешище, законный шуан'эр благородного дома всё равно окажется в положении наложницы. Резиденция хоу Хуайюань вновь превратилась в притчу во языцах для всей столицы. хоу Хуайюань понимал: в ближайшее время ему лучше не показываться на людях. Даже если прохожие будут молчать, в глубине души он всё равно будет гадать, не смеются ли они над ним.

— Ты... почему ты не посоветовался со мной раньше? — он попытался отчитать сына, но голос звучал жалко и неуверенно.

Чжао Ци и сам пребывал в полном смятении.

— Я лишь хотел сохранить жизнь семье Ло, чтобы мне было что ответить брату Ханю. Матушка была настроена решительно, и Ло Юнхяю не видать бы пощады, если бы не моё вмешательство. Но я и помыслить не мог...

— Ты думал о спасении Ло Юнхяя, но забыл о репутации брата! Теперь на Хане клеймо преступника. Впрочем, — хоу Хуайюань тяжело вздохнул, — во всём виновата твоя мать. Это было сугубо домашнее дело, а она раздула пожар на весь город. Мало нам было одного позора, так она выставила нас на посмешище во второй раз. Теперь даже твоё будущее под угрозой из-за её выходок.

хоу Хуайюань потёр виски, его лицо осунулось.

— Сейчас нам остаётся лишь надеяться на чувства наследника князя Чэна. Если Хань сумеет удержать его сердце, у нас ещё будет шанс вернуть былое величие. Послушай меня: немедленно отправь людей в погоню за семьёй Ло. Найди их и устрой в надёжном месте. Так нам будет что ответить Чжао Ханю в будущем. Сейчас нельзя настраивать против себя обе стороны.

Чжао Ци поклонился, понимая, что теперь он окончательно окажется по разные стороны баррикад с матерью. Но вины он не чувствовал. В его глазах именно упрямство госпожи Фань завело резиденцию хоу в этот тупик. Единственный путь к спасению — безоговорочно поддерживать Чжао Ханя и дом князя Чэна. Стоит наследнику взойти на престол, и никто больше не посмеет вспомнить сегодняшний позор.

— Слушаюсь, отец. Я всё устрою в лучшем виде.

Старший сын всегда ставил интересы поместья и собственную карьеру на первое место. Его не заботило, что почувствует мать, когда узнает о его двуличии, или как бы отнёсся к этому его «покойный» брат, едва не погибший по вине Ло Юнхяя. Он знал одно: без заслуг перед будущим императором резиденция хоу Хуайюаня неизбежно увянет, превратившись в

заурядное семейство без власти и титулов.

— Хозяин, вот сведения о семье Ло, которые вы просили раздобыть.

Минъюй как раз корпел над заданиями, которые оставил ему Юаньцзин. Заслышав доклад подчинённого, он с облегчением отложил кисть и размял затекшие запястья.

— Рассказывай подробно.

Люди, которых князь Дуань приставил к сыну, давно признали в нём своего единственного господина. По приказу Минъюя гвардейцы неустанно следили за каждым шагом обитателей резиденции хоу, и стоило Чжао Ци отправить доверенных лиц за город, как они сели им на хвост.

Узнав, что Чжао Ци действительно решил укрыть семейство Ло, юноша в ярости скрежетнул зубами. Ему хотелось стереть в порошок всех причастных — и самих Ло, и всё это двуличное семейство Хуайюань.

— ...По приказу Чжао Ци их поселили в небольшом уездном городке, выделив немалую сумму денег. Ло Юнхаю велели сидеть тихо и ждать — мол, настанет день, когда их заберут оттуда с почестями. Более того, они подкупили местных чиновников, чтобы те присматривали за ними. Мы не стали обнаруживать себя, как вы и велели, и сразу вернулись с докладом.

Минъюй издал тихий, злой смешок. Даже его гвардейцы были поражены такой беспринципностью. Неужели в доме маркиза верили, что простое укрытие может стереть преступление? Или они надеялись на амнистию в честь восхождения нового императора?

— Теперь я понимаю, почему Юань Цзин не желает иметь ничего общего с этим горе-папашей, — процедил юноша. — Эти двое — и отец, и сын — набитые дураки. Неужели они верят, что Чжао Хань — святоша, который поможет им возвыситься? Иди. Отдай все эти документы госпоже Фань.

Гвардеец на мгновение замялся.

— А как же... доктор Юань? Разве не стоит сначала сказать ему?

— Нужно отдать их именно сейчас, пока Юань Цзина нет дома, — отрезал Минъюй, теряя терпение. Его мягкость предназначалась лишь одному человеку, для остальных же он оставался высокомерным наследником. — Живо исполняй! И не смей со мной спорить!

— Слушаюсь, — воин поспешно удалился.

Он понимал: после этого известия последние крохи привязанности госпожи Фань к мужу и старшему сыну развеются как дым. Маленький господин действовал расчетливо — он хотел, чтобы маркиза окончательно и бесповоротно приняла сторону Юань Цзина, отрезав себе все пути к отступлению.

Получив документы, госпожа Фань заперлась в своих покоях на полдня. Несмотря на то что она давно осознала истинную натуру своего мужа — человека, для которого выгода всегда стояла выше совести, — предательство Чжао Ци ранило её в самое сердце. Она знала, что Старая госпожа воспитала его по образу и подобию отца, но до последнего надеялась, что в нём осталось хоть капля сыновней любви.

«Сын, которого я десять месяцев носила под сердцем... — госпожа Фань погрузилась в горькие думы. — Неужели он готов так нагло лгать мне в лицо? Настанет ли день, когда он, не моргнув глазом, принесёт меня в жертву ради величия своего дома?»

Минъюй надеялся, что Юань Цзин ничего не узнает, но, вернувшись из лечебницы, тот сразу заметил странное оживление среди слуг. Услышав о состоянии матери, он поспешил к ней.

Маркиза поначалу пыталась скрыть причину своей печали, но под пронизательным взглядом сына не выдержала и протянула ему принесённые бумаги.

Юань Цзин быстро пробежал глазами текст. Вопреки ожиданиям матери, он не выглядел ни расстроенным, ни удивлённым. Он знал «сюжет» этой жизни, и поступки хоу Хуайюаня с сыном лишь подтверждали его прогнозы. Его больше забавляла самоуверенность Минъюя — мальчишка всерьёз полагал, что сможет повернуть такое за его спиной.

— Матушка, на самом деле это к лучшему, — мягко сказал Юань Цзин, присаживаясь рядом. — Теперь у вас не останется иллюзий насчёт их «семейных чувств». А что касается семьи Ло... Их возвращение возможно лишь при одном условии: если наследник князя Чэна будет официально усыновлён и взойдёт на престол. Если мы пресечём ему путь к власти, это станет сокрушительным ударом и для хоу, и для Чжао Ханя.

Госпожа Фань уже не жалела о том, что её старший сын может лишиться статуса наследника. Возможно, только падение с высоты заставит его очнуться и начать прокладывать путь собственным трудом, а не интригами. Она уже успела перехватить людей, которых Хань отправил в Нинчэн — поскольку Чжао Ханя внесли в резиденцию князя Чэна в одном лишь паланкине и он не смог забрать свою свиту, маркиза воспользовалась моментом. Теперь у неё были неопровержимые доказательства того, что Хань пытался погубить её ребёнка. Любая благодарность за воспитание этого змеёныша сгорела в пламени ненависти.

— У нас есть шанс помешать им? — спросила она, и в её глазах зажёгся холодный огонь решимости.

Доктор Юань не привык давать пустых обещаний, но здесь он был уверен.

— Мы сделаем всё возможное. Даже если Миньюю не суждено занять трон, мы сбросим с него наследника князя Чэна.

Возвести кого-то на вершину трудно, но столкнуть вниз — задача куда более простая.

— Хорошо. Я доверяю тебе. Если всё получится... прошу лишь об одном: сохрани жизнь Ци'эру.

Она твёрдо встретила взгляд сына. Юань Цзин обнял мать, понимая, как тяжело ей далось это решение — выбирать между двумя родными детьми.

Сердце госпожи Фань, израненное предательством первенца, постепенно согревалось в объятиях Юань Цзина. Она не была слабой женщиной. Ради этого ребёнка, страдавшего шестнадцать лет, она станет нерушимой скалой и защитит его любой ценой.

— Глупый мой мальчик, со мной всё в порядке, — улыбнулась она, погладив его по волосам. — Идём, ты наверняка проголодался за день. Поужинаем вместе.

— С удовольствием, — отозвался он.

На следующее утро Миньюй примчался в Медицинский павильон «Юаньши», гордо неся тетрадь с выполненными заданиями на проверку своему учителю.

Юань Цзин отложил тетрадь в сторону и с загадочной улыбкой посмотрел на мальчишку. Миньюй пощупал своё лицо, ничуть не смутившись.

— Что такое? У меня лицо грязное?

«Похоже, ждать от него признания вины бесполезно», — подумал Юань Цзин и легонько щёлкнул его по лбу.

— Я видел то, что ты прислал моей матери. В следующий раз, прежде чем делать такие вещи, сначала скажи мне.

— Ой... — Миньюй схватился за лоб, не ожидая, что его так быстро раскроют. Но в его взгляде не было раскаяния — скорее досада, что не удалось провести Юань Цзина как следует. В следующий раз он будет осторожнее.

— Ты ещё и о «следующем разе» думаешь? — возмутился он. — По-твоему, я бы скрыл это от матери, боясь её расстроить? Ошибаешься. Я бы поступил точно так же. Матушка должна

видеть истинное лицо хоу и Чжао Ци. Только избавившись от ложных надежд, она станет неуязвимой для их козней. Ты это понимаешь?

«Судя по нынешнему характеру матушки, — размышлял Юань Цзин, — в оригинальном сюжете она вряд ли позволила бы Чжао Дэчану так легко отделаться ссылкой в молельню. На уступки её могла толкнуть лишь материнская любовь к Чжао Ци, но в той истории она ещё плохо знала своего сына. Можно только представить, в каком отчаянии госпожа Фань умирала: ладно маркиз, но даже родной сын предпочёл пожертвовать ею ради интересов поместья».

Миньюй слушал, вращая глазами и потирая лоб.

— Запомни, — продолжал он, смягчив тон. — Если ты совершишь ошибку, я не стану тебя покрывать. Я не буду потакать тебе без оглядки, как твой отец. Я заставлю тебя признать неправоту, чтобы ты больше не оступался. Ты меня понял?

Наследник опустил руку и сердито взглянул на Юань Цзина, протестуя:

— Какие ещё ошибки я могу совершить?

Этот лекарь становился всё смелее! Как он, маленький наследник князя Дуаня, может ошибаться? Только бесконечная благодарность за спасение жизни удерживала мальчика от того, чтобы развернуться и уйти.

— Все люди ошибаются. И ты, и я, и даже мудрецы. Думаешь, император безгрешен? Важно уметь признать свой промах и исправить его.

Миньюй насупился, уставившись в пол. Убедительные доводы не оставляли места для спора. Юань Цзин ласково улыбнулся:

— Впрочем, спасибо тебе за то, что приглядывал за домом маркиза и сообщил о семье Ло. Я приготовил для тебя твои любимые сладости. Угощайся, пока я проверяю твою работу.

Пока Миньюй с удовольствием уплетал угощение, до него дошло, что к нему мастерски применили метод кнута и пряника. И самое странное — он подчинился без тени обиды.

«Ладно, — подумал он, — запомню этот приём. Когда я вырасту, обязательно верну тебе должок!»